Дом с неизвестными

Автор:
Валерий Шарапов

Дом с неизвестными

Валерий Георгиевич Шарапов

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Получивший назначение в столичный Наркомат Анастас Мирзаян неожиданно обнаруживает в своей ведомственной квартире старый сейф. Заметно, что его когда-то пытались вскрыть, но безуспешно. Чиновник прячет находку до лучших времен. Он и не догадывается, что за сейфом давно охотятся самые отчаянные воры Москвы. Но все, кто пытался завладеть этой добычей, закончили свои дни трагически. Поиски пропажи ведут и оперативники МУРа Иван Старцев и Александр Васильков. Им удается выяснить, что кровавый след исчезнувшего из Мосторга сейфа с драгоценностями тянется с тревожного октября 1941 года…

«Дом с неизвестными» – это уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

Валерий Георгиевич Шарапов

Дом с неизвестными

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Шарапов В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Пролог

Москва, площадь Дзержинского – Красная Пресня – Лефортово; 16 октября 1941 года

Около полудня в открытое окно второго этажа Народного комиссариата выглянул пожилой офицер с лихими буденновскими усами и тремя шпалами в малиновых петлицах. Вид у него был уставший, лицо – серое, озабоченное. Внизу, недалеко от парадного входа в НКГБ[1 - НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности СССР.] стояла группа молодых сотрудников. Кто-то курил, кто-то негромко обсуждал напряженную ситуацию в столице.

– Николаенко! – офицер отыскал глазами нужного человека.

– Я, товарищ капитан государственной безопасности! – отделился от группы молодцеватый мужчина лет тридцати с одной шпалой в петлицах.

– Слушай сюда! Дуй в универмаг Мосторга на Красной Пресне. Там уже ждут. Загрузишь большой сейф и прямиком в Комиссариат путей сообщения.

– Это у Красных Ворот который?

– Верно. Там заберешь еще три сейфа. А уже оттуда рванешь на товарную станцию Лефортово. Сдашь ценный груз майору милиции Мишину – он отвечает за погрузку спецэшелона. Задачу уяснил?

– Так точно. Одной полуторки хватит?

– Поезжай на двух. Три сейфа небольшие, а четвертый – как сообщили из Мосторга – неподъемный.

Козырнув, лейтенант Николаенко быстрым шагом направился от парадного подъезда Управления на прилегающий Фуркасовский переулок, где стояла в готовности длинная вереница грузовиков.

– Карташов! Уборевич! – крикнул он.

– Да, товарищ лейтенант, – отозвались водители.

– Заводи. Поехали…

Накануне по Москве, словно черви после затяжного дождя, стали расползаться скверные слухи о предстоящей сдаче города, о том, что немец скоро войдет со стороны западных окраин. Слухи не были чьей-то фантазией или злонамеренной диверсией. Они родились естественным образом после публикации в центральных газетах постановления «Об эвакуации столицы СССР», в котором сообщалось об отъезде из Москвы правительства во главе с товарищем Сталиным. Одновременно люди шептались, что станции метро и заводы, оборудование которых не успели вывезти, заминированы и будут взорваны, как только немец вплотную подойдет к столице.

16 октября в Москве началась настоящая паника. Остановил работу Московский метрополитен, закрывались промышленные предприятия и магазины, городское и районное руководство спешно уничтожало секретную документацию и

покидало город.

* * *

На Красной Пресне пришлось подождать. Сейф и вправду оказался огромным. Точно такие же Николаенко видел в секретной части Комиссариата и в некоторых оружейных комнатах. Четверо привычных к физическому труду рабочих кое-как вытащили сейф из здания универмага Мосторга и, поругиваясь, спускали по ступеням крыльца. «Явно не пустой!»

Водитель первой полуторки сорокалетний сержант Карташов спрыгнул на асфальт и пошел откидывать борт. Не усидел и Николаенко: толкнув легкую фанерную дверцу машины, побежал помогать рабочим.

Впятером стало полегче. Дотащили махину до грузовика, на раз-два-три приподняли до уровня кузова, поставили угол на край, дружно затолкали. Внутри стального монстра что-то перекатывалось и осыпалось, словно кто-то решил подшутить и сыпанул в него пуда два песка с мелким гравием.

Тут же появилось местное начальство – полный товарищ с лысой головой и маленькими бегающими глазками.

– Прошу засвидетельствовать в двух экземплярах, – подсунул он пачку машинописных листов, – что приняли от меня сейф под инвентарным номером «1172» с полной описью содержимого.

Сверять опись с фактическим содержимым Николаенко не стал – не было времени. Пристроив бумаги на крыле полуторки, он дважды разборчиво написал должность, звание, фамилию, дату. Поставил убористую подпись. Один комплект документов вернул начальству, второй сунул в небольшую планшетку и залез в кабину.

– Поехали.

– Куда дальше, товарищ лейтенант?

– Красные Ворота. Комиссариат путей сообщения.

Натужно загудев мотором, автомобиль покатил в сторону центра. Не отставала и вторая полуторка, кузов которой пока еще оставался пустым…

Общественный транспорт в этот день не работал. Однако в попутном направлении – на восток – двигался плотный поток: грузовики, легковушки, гужевые повозки. Какие-то из них, несомненно, спешили по своим обыкновенным делам. Но большинство были набиты узлами, чемоданами, домашней утварью. Встречались даже тележки с вещами, которые граждане толкали вручную. Тротуары также были заняты сплошным людским потоком, устремившимся к московским железнодорожным вокзалам.

16 октября 1941 года надолго останется в памяти москвичей. И называть они его будут Днем Великого Драпа.

* * *

У Красных Ворот загрузились быстро. Три небольших сейфа с кассой и документацией партийной организации Комиссариата уже поджидали на тротуаре возле здания НКПС[2 - НКПС – Народный комиссариат путей сообщения.]. Вдоль сейфов нервно прохаживался мужчина в косоворотке под светло-серым летним костюмом. «Будто на летний курорт намылился», – невольно отметил про себя Николаенко, выпрыгивая из кабины.

Мужчина и два водителя закинули сейфы в кузов второй полуторки. Лейтенант расписался за принятый груз, козырнул и дал команду ехать на товарку в Лефортово…

От Красных Ворот выскочили на шоссе Энтузиастов и снова оказались в густом потоке покидавших город автомобилей. Так и плелись в нем, покуда не свернули к станции.

– Не пойму, наши, что ли?.. – кивнул Карташов на маячившие впереди грузовики.

– Наши, – нехотя отозвался лейтенант. – Тоже, видать, везут что-то ценное для погрузки в спецэшелон.

В кузове «ЗИС-5», что чадил сизым выхлопом в сотне метров впереди, покачивался огромный несгораемый шкаф, почему-то установленный вертикально. Положить его плашмя по каким-то причинам не дозволялось, а привязать было нечем, оттого водитель не гнал и старательно объезжал неровности.

Обе полуторки Николаенко пристроились за «ЗИСом». Ехать до ворот товарной станции оставалось не более пяти минут…

* * *

Держась за оконный обрез автомобильной дверцы, лейтенант раздумывал о том, что ожидало его и команду таких же офицеров дальше. Сколько еще придется за остаток дня сделать рейсов по пустеющему городу? Какой будет приказ начальства после окончания этой сумасшедшей гонки? Удастся ли ночью хоть немного поспать?.. Скоро город накроют сумерки.

Николаенко весь день провел в разъездах и ужасно устал. Вопросов из-за непростой обстановки накопилось много. Ответов на них не знал никто.

На повороте, в квартале от лефортовской станции хоровод тревоживших вопросов утих сам собой – подъезжали к месту, где требовались оперативность и напор, а не ленивые мысли. К тому же помог вернуться в реальность дворник, монотонно возивший метлой по пыльному тротуару. Глядя на него, Николаенко подивился: «В городе паника, народ бежит, а этот метет свой участок! Правда, на дворника он мало похож – ни фартука, ни рукавиц. Да и метла жидковата…»

Сомнения появились не на пустом месте, однако развить мысль лейтенант не успел – от забора к машине метнулась тень. Он не успел толком ничего понять, как на подножку запрыгнул гражданский тип и сунул руку внутрь кабины. Такая же фигура заслонила свет и со стороны водителя.

Острая боль пронзила шею, правую сторону головы и плечо.

– Ах ты, гад!.. – воскликнул лейтенант. Однако своего голоса не услышал. Вместо отчетливых слов из горла вырвался хрип.

Тип между тем нанес второй удар, третий.

Николаенко уже понял, что в руке нападавшего поблескивало лезвие ножа. Правая ладонь, скользнувшая было к кобуре, безвольно повисла. Голова упала набок. Сознание угасало.

– Тормози! – раздался грозный окрик.

* * *

Полуторка стояла в узком безлюдном переулке между глухой стеной кирпичного дома и палисадником с пожелтевшей акацией. От места нападения она отъехала всего на несколько кварталов. Под низеньким деревянным забором лежали окровавленные тела двух раздетых сотрудников НКГБ – лейтенанта Николаенко и сержанта Карташова.

– Лёва, просил же, аккуратнее! Вся гимнастерка уделана! – ворчал главарь, оглядывая только что надетую форму.

– Да ладно, Паша! – виновато гудел тот. – Нам делов-то осталось – налить да выпить. Прорвемся…

Второй давний подельник Барона – выходец с Кавказа по имени Ибрагим – неторопливо оправлял на себе форму убитого водителя. Третий, самый молодой участник налета, томился в кузове и, воровато озираясь по сторонам, следил за обстановкой. Из-за неопытности он был бледен и перепуган.

Барон подхватил с пыльной травы офицерскую планшетку:

– Готовы? Едем!

Оставаясь в своей гражданской одежде, Лёва уселся за руль. Рядом с ним устроился новоявленный «лейтенант» со шпалой в петлицах[3 - Лейтенант со шпалой в малиновых петлицах – до 1943 года знаки различия сотрудников Госбезопасности и рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР были на две ступени выше, чем у соответствующих званий в РККА. Лейтенант НКГБ вместо двух «кубарей» носил одну «шпалу».]. Новичок Петруха улегся в кузове, чтобы

его не было видно с улицы. А Ибрагим, наоборот, привалился к борту и выставил на всеобщее обозрение свою форму с малиновыми петлицами.

Заурчал мотор. Полуторка резко тронулась с места, отчего тяжелый стальной сейф поехал к заднему борту, двое бандитов кинулись его удерживать.

Тяжело раскачиваясь на кочках, грузовик доехал до ближайшего перекрестка и исчез за поворотом…

Глава первая

Москва, Белорусский вокзал – Московская область, железнодорожная станция Одинцово; 14 августа 1945 года

Августовский день выдался на редкость жарким. Солнце стояло в зените, листва на деревьях почти не шевелилась. Поливальные машины, о существовании которых за время войны москвичи успели подзабыть, проезжали по улицам трижды в день. Они обильно орошали раскаленный асфальт влагой, но толку от этого было мало. Лишь после вечернего прогона на дорогах и тротуарах около получаса серебрились лужицы и легче дышалось. Потом снова до середины ночи накатывала невыносимая духота.

Сергей Аристархов сидел за рулем своего трофейного «Опеля», стоявшего рядом с мостом через железнодорожные пути. Прямо по курсу виднелась широкая улица Горького, влево уходили Бутырский Вал и Лесная, справа бурлил поток пассажиров и встречающих у двух широких входов в Белорусский вокзал.

Немецкий Opel P4, собранный на заводе в Рюссельсхайме в 1935 году, достался Аристархову по случаю. Он перекупил его у знакомого полковника НКВД. На момент покупки автомобиль находился в жалком состоянии: был потрепан, без стекол, без фар, с порванным передним сиденьем. За ремонт пришлось отвалить сумму, сопоставимую с ценой всего авто. Интерьер машины привели в порядок, вмятины выправили, вставили новые стекла, кузов покрасили. Раньше он был светло-серым с черными крыльями, теперь стал весь темно-серый. А вот с

двадцатитрехсильным мотором механик ничего поделать не смог: такой тип двигателей был выпущен в Германии в начале 1930-х годов небольшой серией. Сейчас к нему не найти ни ЗИПов, ни запчастей. Мотор часто капризничал и потреблял вместо положенных десяти литров на сотню все пятнадцать. При езде по столице полного бака зачастую не хватало и на день. Каждый раз, подливая в горловину масло, Сергей вздыхал, вытирал ветошью подтеки и опускал боковую крышку капота…

Сегодня Аристархову было не до капризов мотора и его прожорливости. Он курил и беспрестанно оглядывался на улицу Горького. Именно оттуда на площадь Белорусского вокзала должен был вырулить знакомый «ЗИС-101А». Сергей заранее продумал детали операции, но все равно немного нервничал. Вдруг опоздают? Вдруг перепутают час отправления поезда или забудут дома документы? Мария слишком молода и ветрена. А ее супруг на ответственной должности – весь в делах, весь в работе. Мало ли…

Но он привык не выказывать внутреннего состояния и высматривал нужных людей с деловитым спокойствием.

Залитая солнцем площадь лежала, точно на ладони. Сергей не замечал ни палящего зноя, ни обжигавшего ветерка, врывавшегося в открытые окна. Он ждал «ЗИС», и ничто в этот час не могло его отвлечь.

Наконец тонкие губы тронула едва заметная улыбка.

Нет, они ничего не забыли. И пока не перепутали. Вслед за вереницей маршрутных автобусов на площадь неторопливо въехал советский представительский автомобиль. Номерного знака Аристархов не разглядел, но сразу узнал машину. Такие возили по Москве персон исключительной важности – от заместителей наркомов и выше.

Выбросив в окно окурок, он подался вперед; лицо его окончательно просветлело.

– Слава богам! – резко выдохнул он, пытаясь сбросить напряжение. – Первая часть плана сработала…

«ЗИС» по-хозяйски остановился точно против левого входа в вокзал. Многочисленные такси могли останавливаться здесь лишь на пару минут – за

данным порядком ревниво наблюдал постовой. Автомобилей с номерными знаками Совнаркома подобные запреты не касались. А именно такие знаки красовались на отполированных до безупречного блеска бамперах подъехавшего авто.

Упитанный мужчина среднего роста с зачесанными назад редкими бесцветными волосами покинул кабину; позабыв открыть дверцу супруге, он сразу направился к багажнику. Водитель суетливо подбежал и помог выбраться из машины красивой молодой женщине в светлом легком платье, затем принялся вытаскивать из багажника светло-коричневый фибровый чемодан. Вскоре супружеская пара влилась в людской поток и исчезла за парадными дверями вокзала. «ЗИС» остался ждать на площади…

Аристархов посмотрел на часы. До отправления поезда Москва – Смоленск оставалось чуть менее получаса. По большому счету, дел здесь больше не предвиделось. Он убедился, что Анастас Мирзаян вовремя доставил супругу к поезду. Не было сомнений и по поводу того, что через десять минут молодая женщина поднимется в мягкий вагон и займет свое место.

Аристархов нажал на педаль стартера, завел мотор, но уезжать не торопился. Тонкие губы снова растянулись в усмешке: сегодня впервые удалось увидеть их рядом. Марию с идеальной внешностью и с кошачьей мягкостью в каждом движении. И ее мужа – полного, рыхлого, престарелого субъекта с манерами торгаша из мясных рядов.

Сергей положил руку на рычаг переключения скоростей. И снова передумал. Уж больно хотелось дождаться возвращения «толстого борова», как он окрестил Мирзаяна. Чтобы все было точно, наверняка.

Боров появился под широким навесом левого входа довольно скоро. Даже в невыносимую жару он не снимал пиджак дорогого костюма, сшитого на заказ в известном ателье на улице Куйбышева. Вытирая на ходу платком покатый лоб, он протиснулся сквозь толпу и направился к автомобилю.

– Вот теперь в самый раз. – Аристархов нажал на педаль сцепления и включил первую скорость.

* * *

Тридцатилетний Сергей Сергеевич Аристархов был отставным майором НКВД. Начинал он службу в ОГПУ[4 - ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР. В 1934 году вошло в состав НКВД СССР.] Рязани; получив первое офицерское звание, перебрался в Москву. С начала войны и до апреля 1942 года защищал столицу в составе стрелковой дивизии НКВД, за проявленный героизм получил орден Красной Звезды.

После того как немцы были отброшены на запад, Аристархова вернули в структуру оперативного отдела, где ему приходилось заниматься охраной членов правительства и руководства партии, арестами, обысками, наружным наблюдением. Служакой он был исправным, дела и карьера шли в гору. За короткий срок стал майором и обладателем хорошей квартиры в ведомственном доме на улице Герцена.

Внешностью Аристархова бог наделил знатной. Красавчик – с какой стороны ни погляди. Высок, статен, подтянут, на голове копна волнистых волос цвета темного каштана. Лицо с правильными и строгими чертами, над верхней губой тонкие усики. С такого лица впору было писать плакаты. Ежели надевал мундир, так встречные барышни на улице забывали, куда шли. Впрочем, и гражданские костюмы сидели на нем, как на самых именитых артистах советского кино.

Любили его женщины. Ох, как любили! На том и погорел.

Был он закоренелым холостяком, жил в неплохо обставленной отдельной квартире. В конце 1944-го Сергей одновременно крутил романы с тремя видными дамами, среди которых значилась и ведущая актриса театра имени Ермоловой, обладавшая редкой персидской красотой. Актриса была востребована не только в театре, где играла первые роли, но и за его пределами. Некоторые партийцы и чиновники были не прочь познакомиться с ней поближе, но она предпочла молодого красавчика в чине майора.

Аристархов шибко увлекся любовными играми и настолько уверовал в безнаказанность своих похождений, что в какой-то момент забыл об осторожности. Забывчивость привела к тому, что он завязал знакомство с четвертой особой, оказавшейся супругой начальника Специального отдела

ОГПУ. Занимаясь шифрованием, отдел обеспечивал секретность в различных ведомствах, а потому его начальник слыл очень влиятельным человеком. Настолько влиятельным, что с момента, когда он узнал о похождениях супруги, и до момента увольнения из рядов молодого майора Аристархова прошло не более двух часов.

«Радуйся, что легко отделался, – буркнул тогда шеф, подписывая обходной лист уже бывшего майора. – А мог бы отправиться на край света добывать сырье для нашей бумажной промышленности…» Шеф знал, что говорил, ведь отныне жизнь Аристархова не стоила и плевка.

Но случилось чудо. Он не только не пострадал, но и остался на свободе. Более того, его даже не вышвырнули из ведомственной квартиры. Про купленную по случаю дачу в Подмосковье, слава богу, никто не знал.

Увольнялся Сергей без пенсии, без выходного пособия. Сдав оружие, документы и форму, призадумался. Сбережений не имелось, так как привык жить на широкую ногу. А как же иначе? На свидания с первыми красавицами столицы в потертом пиджачке не походишь и в заводскую столовку их не потащишь. Вот и уходило все офицерское жалованье на добротную одежку и рестораны. Теперь надо было как-то устраиваться, искать подходящую работу.

Помог случай. У пожилого соседа по лестничной клетке, некогда занимавшего должность в ГУПО[5 - ГУПО – Главное управление пожарной охраны.], воры вскрыли во дворе гараж и увели мотоциклет. Для деда-пожарника это стало вселенской трагедией. Милиция подобными мелочами практически не занималась – в те времена в Москве действовали организованные банды, донимавшие преступлениями посерьезнее. В общем, решил Сергей по-соседски пособить и, используя наработанный оперативный опыт, провел расследование по горячим следам. Ровно через сутки мотоцикл снова стоял в гараже, а совершившие кражу юные оболтусы отправились в ближайший РОМ[6 - РОМ – районный отдел милиции.]. Дед был счастлив и едва ли насильно всучил сыщику пятьдесят рубликов.

«А почему бы не заделаться частным сыскарем? – подумал тогда Аристархов. – Если не отправят на фронт, надо будет попробовать…»

* * *

Вечерело. Солнце спряталось за крыши домов, невыносимая жара отступила. Машин на улицах Москвы становилось все меньше, а народу, наоборот, прибывало.

Покинув площадь Белорусского вокзала, Сергей доехал до Садового кольца и повернул на Смоленскую улицу. Далее по Можайскому шоссе предстояло промчаться два десятка километров до железнодорожной станции Одинцово, где пассажирский поезд Москва – Смоленск делал вторую остановку. Поезд только отошел от вокзала, но Аристархов все равно давил на педаль газа и прибавлял скорость…

На станцию, как и предполагалось, он прибыл раньше пассажирского состава. Остановив автомобиль на небольшой пыльной площади рядом с водонапорной башней, Сергей хотел покурить, но почувствовал, что затекли ноги. Пора было размяться.

Прихватив папиросы, Аристархов вышел из машины, отряхнул наглаженные темные брюки, поправил воротник белой сорочки и побрел к длинному пустовавшему перрону, тянувшемуся вдоль одноэтажного станционного здания…

Сидя на деревянном диванчике и дымя папиросой, он с наслаждением представлял милые черты Марии, ее озорные глаза, мягкий грудной голос и не заметил, как вдали над восточным горизонтом появился дымок. В безветрии раскаленного воздуха он поднимался однообразными клубами вверх и, лишь достигнув высоты, ломался невидимым потоком, ложился набок и растекался по-над полями и оврагами деревеньки Глазынино.

Из забытья его вернул хрип громкоговорителя. Торопливый женский голос извещал о скором прибытии на первый путь поезда Москва – Смоленск.

Сергей бросил в урну окурок, встал, привычно оправил одежду и посмотрел вдоль путей. Обдавая округу белесым паром, по блестевшему сталью полотну катил паровоз.

«Слава богам! – вздохнул Сергей и вдруг ощутил новый прилив волнения. – Ого! – подивился он. – Уж не влюбился ли я в эту девчонку?..»

Громыхая на стыках и поскрипывая тормозами, мимо катились пассажирские жесткие вагоны. Следом поплыли мягкие купейные, именуемые в народе «егоровцами», так как выпускались на Ленинградском вагоностроительном заводе имени Егорова. Аристархов ловил взглядом таблички с номерами и поджидал девятый…

Нужный вагон остановился неподалеку. Пригладив ладонью непослушную шевелюру, Сергей решительно направился к раскрывшейся двери рабочего тамбура.

В двух шагах от темневшего дверного проема его опередил хорошо одетый проворный мужичок с подростком – то ли сыном, то ли внуком. Он попытался было подсадить пацана на нижнюю ступеньку лестницы, но появившийся пожилой проводник в форменной фуражке строго осадил мужичка:

– Минутку, гражданин! Дозвольте сперва покинуть вагон!

И посторонился, пропуская молодую пассажирку.

«Она! Не испугалась, не передумала! – застучало в висках Аристархова. – Смелая женщина. И до чего же прекрасна!..»

Приняв чемодан, он подал ей руку, помог сойти на перрон. Взяв Марию под локоток, провел ее мимо обалдевшего мужичка. До этого на станции Одинцово из московского поезда никто не выходил – слишком уж накладно было ехать в мягком купейном вагоне каких-то двадцать пять верст. В окна вагона таращились не менее удивленные пассажиры, пугая и вгоняя в краску и без того смущенную женщину.

– А теперь вы. Дозвольте ваши билетики. – Седой проводник поддерживал установленный порядок.

Мария была бледна, лицо ее в ту ужасную минуту не выражало ничего, кроме стыда и испуга; грудь под легким платьем вздымалась глубокими вдохами; руки не находили места. Не оставалось сомнений в том, что она раскаивалась в недавней решимости и жалела о кротком и тихом «да» в ответ на предложение обаятельного сердцееда. Каким же немыслимым безумием вдруг повеяло от их затеи! Еще вчера Мария сгорала от нетерпения, подгоняла время и проигрывала

в мыслях эту встречу. Сейчас же все внутри перевернулось, дыхание сбивалось, а глаза заволокло слезами.

Однако менять что-либо было поздно. Прозвучал высокий паровозный гудок, звякнули вагонные буферы. Поезд медленно тронулся и, дыша паром, унес бывших попутчиков дальше в западном направлении – в город, где проживала родная сестра Марии – Ольга.

* * *

Неприметная железнодорожная станция Одинцово осталась позади, за окнами автомобиля поплыли стройные ряды березок и сосен. Ехали небыстро. Дорога была ухабистой – от положенного еще до войны асфальта остались разве что редкие островки.

Сжимая в кулаке белый платок, девушка глядела вперед, не решаясь повернуть голову. Наконец, не выдержав тягостной тишины, спросила:

– Почему ты молчишь? Ты считаешь меня легкомысленной? Мне, наверное, не следовало выходить из поезда…

Сергей не ответил. Сбросив газ и выключив скорость, он остановил машину, повернулся к милой спутнице и с любовью посмотрел в ее влажные карие глаза. Затем провел ладонью по золотистым волосам и надолго прильнул к прохладным губам…

Его нежность и жаркий поцелуй оказались тем чудодейственным средством, которого Марии сейчас так не хватало. Разом ушло томившее в груди беспокойство, бесследно растворился липкий страх. Сердечко пустилось отбивать совсем иные ритмы, возвращая уверенность в благом исходе их невероятно смелого поступка.

* * *

До захода солнца оставалось часа два. Серый «Опель» упрямо держал курс на запад по шоссе, проложенному вдоль железной дороги. У большого села

Жаворонки Сергей свернет с шоссе и поедет на юг по довольно плохонькой и пустынной дороге. Замысловатой дугой она приведет их точно в Троицкое.

В открытые окна врывался теплый ветерок, лаская золотистые локоны Марии. Она понемногу привыкала к обществу сидевшего за рулем уверенного в себе мужчины. Их знакомство длилось третью неделю, столь долго оставаться наедине им еще не приходилось.

Аристархов всячески старался отвлечь спутницу от тяжелых мыслей: шутил, смеялся. Она все чаще улыбалась. Лицо ее просветлело, щеки окрасились живым румянцем.

Радовался этому и Сергей. Покоя не давала единственная техническая проблемка: стрелка топливомера была словно живой, буквально на глазах приближаясь по изогнутой шкале к маленькой цифре «0». Именно она – эта чертова стрелка – нервировала и не давала в полной мере насладиться предвкушением скорой близости с Марией.

На свою любимую дачу в Троицкое Сергей чаще ездил напрямки через Черемушки и Теплый Стан; на заправке в Стане он в обязательном порядке подливал топливо в бак. Если же заканчивал дела на севере столице, то выруливал через Одинцово и Жаворонки, чтоб не куролесить средь городских кварталов. На этом маршруте бензозаправочная станция имелась на окраине села Жаворонки. Не дай бог забыть, проскочить мимо – стой потом на обочине пустой дороги и выпрашивай пяток литров у редких попутных грузовиков.

– Надо завернуть, – сказал он девушке, завидев впереди знакомое строение с двумя бензоколонками.

Подрулив к одной из них, Аристархов направился к окошечку, за которым всегда сидела полная женщина лет сорока пяти. Она носила очки с толстыми линзами и любила полистать хорошую книжицу, пока редкий клиент не отвлекал ее от этого благостного занятия.

– Добрый вечер. Сорок литров, пожалуйста. – Сергей подал ей купюру с мелочью.

Женщина очнулась, отложила книгу. Взглянув на водителя, поздоровалась. И приступила к работе…

Половину купленного топлива Аристархов залил в бак, половину – в стальную канистру, которую вынужден был возить в маленьком багажнике. Вернувшись на водительское место, вытер платком руки, завел мотор, вырулил на асфальт и повел автомобиль к съезду на пустынную дорогу…

* * *

Спустя некоторое время Мария спросила:

– Сколько нам еще ехать?

– Почти прибыли, – кивнул Сергей на приближавшийся указатель.

– Рабочий поселок Троицкий. Дом отдыха «Красная Пахра». ДСК «Советский писатель», – прочитала она. – Никогда здесь не бывала…

Северная окраина поселка произвела на девушку ужасное впечатление. Пыльная дорога, по обе стороны которой стояли неопрятные барачные постройки. Чадящая труба котельной, куцая растительность, мусор, забвение. Когда им навстречу попалась компания подвыпивших и плохо одетых мужиков, Аристархов поморщился:

– Работяги с камвольной фабрики. Они обитают в фабричном поселке. В центр и в «Советский писатель», слава богам, не суются…

Проехав центр поселка, застройкой и чистотой походивший на небольшой городок, автомобиль пересек по гулкому деревянному мосту неширокую речушку и нырнул в густую зелень бесконечных садовых участков. После относительного простора парочка будто оказалась в сумрачном лесу, где взгляд то и дело натыкался на густую листву кустарника и деревьев. Иной раз заросли расступались, обнажая высокие заборы, резные фронтоны или крашеные балясины балконов и лестниц.

Миновав несколько кварталов по узенькой грунтовке, «Опель» остановился напротив заросших ранним хмелем ворот.

– Здесь твоя дача? – Мария с любопытством оглядывалась на разнообразные по форме и высоте домики.

– Да, это и есть дачный поселок «Советский писатель». Тут всегда тихо, чистый воздух, красивый берег реки, поросший ивами и камышом. И до центра Троицкого недалеко.

– А нас тут не найдут?

Сергей засмеялся:

– Вряд ли. О моей даче не знает никто – ни пара оставшихся в Рязани родственников, ни бывшие коллеги по службе…

Он отомкнул висящий на цепи замок, распахнул тяжелые створки и загнал машину внутрь обширного участка. В глубине его темнел двухэтажный дом, рядом стояла беседка с круглой крышей. А вокруг шумел листвой старый сад. К дому петляла узкая тропинка из мелкого серого гравия.

– Не стесняйся. – Аристархов помог спутнице выбраться из машины.

Через минуту они поднялись по короткому крыльцу на застекленную веранду, где пахло пылью и сушеными яблоками. По застеленному белой скатертью столу беззвучно скользила солнечная рябь от листвы фруктовых деревьев.

– Божественно, – прошептала девушка. – До чего же тут спокойно, уютно. Как в деревне моей покойной бабушки.

Где-то на соседнем участке залаяла собака. С участка через дорогу ей ответила другая. Мария насторожилась:

– А соседи про нас не узнают?

– Здесь никому нет дела до соседей, – обнял ее Сергей. – Участки большие и огорожены высокими заборами. Хозяева – известные люди, в основном писатели. Любят принимать гостей и весело проводить время. Так что им не до нас…

Глава вторая

Москва, Петровка 38; август 1945 года

– …Да пойми ты, Саня, бесполезно! Уговоры, штрафы, несколько суток в камере для профилактики… Отсидит этот обормот, вернется, и вся бодяга начнется по новой.

– Но он же ее в конце концов забьет до смерти.

– Скорее всего, так и будет, – пожал плечами Иван.

– Ты так спокойно об этом говоришь! – искренне подивился Васильков. – Она все-таки человек, гражданин нашей страны.

Старцев повернулся к товарищу:

– Ты у нас, Саня, без году неделя работаешь, поэтому у тебя и реакция на все слишком прямолинейная. Честная, но прямолинейная. Да, она – человек, гражданин. Возможно, в прошлом комсомолка, а ныне член партии. Только ничем в этой ситуации помочь не получится, потому что она сама того не желает. Да что я тебе рассказываю – ты сам все видел. Разве что отправить ее в лагерь за что-нибудь и спасти таким чрезвычайным образом…

Фронтовые друзья, а ныне сотрудники Московского уголовного розыска майоры Старцев и Васильков возвращались пешком в Управление из Большого Каретного переулка. Несколько дней назад оперативно-разыскная группа Старцева разобралась с чередой загадочных убийств, прокатившихся по северу Москвы. Преступник был найден и обезврежен. Начальник Управления комиссар Урусов[7 - Урусов, Александр Михайлович (1905–1975) – комиссар милиции 3-го ранга, начальник МУРа с января 1944 по 1949 год.] премировал оперативников выходным днем, после чего приказал привести в порядок отчетную документацию, чем они и занимались вторые сутки.

А сегодня вдруг новый приказ: двум сотрудникам группы прибыть в Большой Каретный и оказать посильную помощь милицейскому наряду. Наряд состоял из сержанта и молодого стажера. «Что за белиберда? – подивился Васильков. – Разве в милиции не хватает своих кадров?» «Случается, – спокойно парировал Старцев. – Тут у нас, брат, такие запарки бывали! Не хуже армейских операций – с засадами, боями и потерями. Много народу в борьбе с бандами полегло. Потому и помогаем друг дружке чем можем».

– …В девяти из десяти подобных случаев бабы отказываются снимать побои и писать на драчливых мужей заявления, – продолжал объяснять Иван. – Спросишь почему? Отвечу. Потому как у них пламенные чувства и планы на будущее. А у этой, – Иван мотнул головой в сторону Каретного, – еще и эйфория в башке не проветрилась после возвращения с войны буйного муженька. В общем, так и будут жить-поживать. Пить горькую, петь песни под гармошку да драться, покуда не образуется один из двух вариантов.

– Это каких же?

– Либо он забьет ее до смерти, либо она, устав терпеть, ткнет его кухонным ножичком. При любом раскладе один отправится на встречу с архангелом, второй – на нары. Ну, а ребятишки – в детдом.

Полквартала Васильков шел молча, опустив голову и размышляя. Затем с печалью в голосе спросил:

– Неужто все так черно и нет выхода?

– Нет, – вздохнул Старцев. – Бывает, что участковый уговаривает такую часами. И факты приводит в виде живых примеров. А те стоят на своем – хоть тресни! И ни в какую…

Дальше развивать тему Сашка не стал. К чему? Он и сам несколько минут назад стал свидетелем подобной ситуации. Точь-в-точь, как описал опытный, послуживший в МУРе товарищ. Простоватая, но вполне интересная тридцатилетняя женщина с разбитой бровью и с синяками на теле божилась, что ничего ужасного и противозаконного не произошло. Что кричала и звала на помощь вовсе не она. А излишне нервные соседи напрасно побеспокоили доблестную советскую милицию. Старцев пытался мягко воздействовать,

убеждать. Бесполезно. Так и откланялись, несолоно хлебавши.

За разговорами дошли до Управления. Время было обеденное, оба проголодались.

– Заглянем в кабинет и айда в столовку, – предложил Старцев.

Но не тут-то было. Остававшийся за старшего капитан Егоров «обрадовал»:

– Иван, Урусов звонил по твою душу.

– Опять? Что же это такое?.. Я ж только утром к нему заходил, – беспомощно развел тот руками.

– Приказал прибыть, как освободишься.

– Давно звонил?

– С полчаса.

– Понятно. – Старцев почесал за ухом. И кивнул товарищу: – Обедай, Саня, без меня. Я попозже…

* * *

– …Да, товарищ комиссар, Барон – фигура известная. Но по нашим сводкам, в последние два года он не проходил, – напомнил Старцев.

– Все верно, – кивнул Урусов. – Полагаю, залег на дно после удачного грабежа или вооруженного налета. Вот и не было о нем весточек.

Иван насторожился:

– Вооруженного налета? Я знаком с материалами последнего уголовного дела, в котором фигурировал Барон. Там была попытка взлома и ограбления

продовольственного магазина…

– Напомните, Иван Харитонович.

– Конец 1943-го. Зима. Армянский переулок. Попытка двух бандитов влезть через окно коммерческого продовольственного магазина. Сотрудник военизированной охраны открыл огонь и воспрепятствовал ограблению. Один бандит был убит, второго – Павла Баринова – он узнал и довольно точно описал оперативникам.

Затушив в пепельнице папиросу, комиссар поднялся из-за стола и подошел к ближайшему окну. Сдвинув в сторону тяжелую портьеру, раскрыл створки, вдохнул полную грудь свежего воздуха.

– Хорошая у вас память, Иван Харитонович. Но, к сожалению, мы знаем далеко не все, что происходит в криминальном мире. Где-то не успеваем, ошибаемся, в какие-то моменты не хватает опытных сотрудников.

– Так точно, Александр Михайлович. Но ведь и многое получалось. Помните, как в ноябре 1944-го зачистили Тишинский рынок?

– Как такое забыть? – устало улыбнулся тот. – Столько нечисти вытравили! Думали все – конец организованному бандитизму в столице. А оно вон как вышло – опять словно тараканы из-под плинтуса полезли…

Комиссар только что сообщил Старцеву, что на северо-востоке столицы в Аптекарском переулке найдено тело убитого Павла Баринова, носившего в криминальной среде кличку Барон. Минувшей ночью главаря небольшой банды кто-то выследил и ударил ножом. Сзади, под левую лопатку. Судя по всему, Барон умер сразу, не мучаясь. При убитом не нашли ничего, кроме коробка спичек, мятой пачки папирос, нитки с серебряным нательным крестиком и трех рублей мелочью. Опознал его один из оперативников, прибывших на место сразу за милицейским нарядом.

– В общем, так, Иван Харитонович, – похлопал ладонью по зеленому сукну столешницы Урусов. – Покуда нет у вашей группы серьезных дел, займитесь убийством Баринова. Мы же с вами понимаем, что известных воров просто так, для забавы, на тот свет не отправляют. Выясните, что это – очередные разборки,

передел территорий или дележ бандитской власти. А заодно разузнайте, чем он промышлял в последнее время. Не мог же Паша Барон почивать на лаврах и жить по совести. Как думаете?

– Согласен, товарищ комиссар, не по его характеру это занятие – жить по совести. Займемся.

– Приступайте. Если накопаете что-то серьезное – немедленно докладывайте.

– Слушаюсь…

Глава третья

Москва, Лефортово – железнодорожный переезд на Басманной; 16 октября 1941 года

Полуторка пробиралась к северу столицы, старательно объезжая площади и оживленные магистрали. Кое-где приходилось протискиваться между палисадниками и облезлыми стенами старых домов; разок повернули не туда, заплутали и, посовещавшись, вернулись на пару кварталов назад. Народу в проулках встречалось мало, редкие прохожие спешили по своим делам, не обращая внимания на грузовик.

У банды имелось несколько укромных местечек, где можно было до поры припрятать украденный сейф. Но на северо-запад, в Тушино, соваться не хотели – туда сейчас для обороны города стекались части со всей округи. В Люберцах проживала одна знакомая бардачка[8 - Бардачка – содержательница притона.], но туда мылиться – надо быть полным бажбаном[9 - Бажбан – дурак, глупец.]. Левина хаза в Духовском переулке не подходила по той же причине – слишком далеко. Вот и настоял Барон рулить в Безбожный переулок, тянувшийся вдоль сада, именуемого «Аптекарский огород».

До войны переулок цвел и развивался. По стальным рельсам бегали трамваи маршрута № 39, открылись новые современные бани, строители возвели

добротный пятиэтажный дом с закрытым двором, со своей котельной в подвале, с красивым лепным декором по фасаду. В этом необычном доме, как ни странно, сохранились все те буржуазные «штучки», от которых советская власть на своей заре отчаянно избавлялась. Этими «штучками» были большие площади квартир, декор, высокие потолки, паркет, раздельные санузлы, дополнительные помещения под кабинет или библиотеку.

В двадцать семь просторных квартир дома заселились видные люди: Герои Труда, передовики производства, летчики, артисты, художники… Одну большую трехкомнатную квартиру на первом этаже отвели под коммуналку, поселив в ней обслуживающий персонал с семьями: управдома, дворника, слесаря. Так и жили – не тужили, покуда на третий месяц войны в угол последнего, пятого этажа не угодила немецкая бомба. Пострадавших не было, так как все жильцы заблаговременно спустились в ближайшее бомбоубежище.

На другой день наведалась комиссия. Осмотрев подъезд с разрушенными квартирами и развороченную крышу, специалисты признали дом для дальнейшей эксплуатации непригодным. Жителей расселили, здание вместе с двором до лучших времен обнесли высоким забором. Ни сторожей, ни караулов на огороженной территории не было, и со временем ее облюбовали беспризорники. Прознал об этом спокойном местечке и Паша Баринов.

– Дело Паша говорит. Я согласный, – поддержал тридцатилетний Лева, когда главарь предложил на время пристроить добычу в заброшенном доме.

Других членов банды никто и не спрашивал. Малограмотный Ибрагим – следующий по возрасту после Барона – рот раскрывал редко и безропотно принимал любые решения. А новичок Петруха, 1920 года рождения, права голоса вообще не имел.

* * *

Едва люди Паши Баринова разобрались с верным направлением и полуторка резво покатила на северо-запад, случилась новая напасть. Чтобы попасть в Безбожный, предстояло пересечь по Новой Басманной железнодорожную ветку. Навстречу плелся поток транспорта, за которым ни сидящий за рулем Лева, ни Барон не сумели разглядеть военный патруль, выборочно проверявший документы у покидавших город москвичей.

– Глянь, Паша! – обомлел водитель, заметив тормозивших автомобили военных.

– Едрена рать!.. – процедил тот и закрутил башкой.

Поздно. Свернуть было некуда, да и парочка бойцов уже с интересом поглядывала на приближавшуюся полуторку. Разве ее возможно не увидеть? Все драпают на восток, а она в одиночестве прет супротив потока в сторону центра.

– Без кипеша![10 - Кипеш – шум, ссора, возня.] – перекрикивая мотор, объявил подельникам Барон. – Я подаю ксиву и бухчу[11 - Бухтеть – разговаривать, проявлять недовольство.] с винтовыми[12 - Винтовой – солдат.]. При шухере палю первым. Ну а ты, – повернулся он в Леве, – даешь по газам и рвешь до Каланчевской.

– А дальше?

– Дальше переулками, Лева. Только переулками, не выезжая на Садовое. Там сейчас лютый шабаш: и мусорня и патрули на каждом перекрестке…

В душе Паша надеялся, что проверке подлежат только покидавшие столицу автомобили. Но он просчитался. Когда до охраняемого переезда оставалось около полусотни метров, трое бойцов из патруля поспешно перебежали дорогу и, остановившись на правой обочине, жестами приказали водителю принять вправо и встать. Двое из них – рядовые – держали винтовки наперевес. Третий в звании старшины приготовился проверять документы.

Пока Лева притормаживал, Барон вынул из нагрудного кармана бумаги, а левой ладонью поудобнее ухватил рукоятку «ТТ» убитого лейтенанта. При этом пересел так, чтоб патрульные не заметили на гимнастерке пятен крови.

– Здравия желаю. Старшина Богданович, военная комендатура, – козырнул служивый. – Предъявите документы.

На фоне творившейся вокруг суеты, паники и неразберихи старшина выглядел идеально. Это был не просто старшина, а образцовый старшина! Чистенькая отутюженная форма, начищенные до зеркального блеска сапоги. Сам коротко подстрижен, лицо выбрито до синевы и еще на пару миллиметров под кожей.

Брезентовая кобура с револьвером висела на натертом подсолнечным маслом буром кожаном ремне.

Насупив брови, Барон подал удостоверение и временный пропуск, выписанный на ближайшие сутки на имя лейтенанта государственной безопасности Николаенко.

Документы были подлинными, но Паша Баринов не боялся попасть впросак. Отличить его серьезную физиономию от крохотного фотографического портрета настоящего владельца было крайне затруднительно.

Старшина изучал документы с минуту. Однако, покончив с изучением, отпускать автомобиль и его пассажиров не поторопился. Запрыгнув на подножку, он заглянул в кабину, затем осмотрел кузов.

– Почему груз везете обратно в Москву? – спросил он.

Барон недовольно поморщился, но все же ответил:

– Три небольших сейфа доставили на станцию Лефортово. Этот приказано передать на Савеловский.

– Что за гражданские с вами? Кто такие?

– Дали в подмогу. Мы же с бойцом не поднимем эту железную дуру.

Оценив габариты и примерный вес «дуры», старшина Богданович кивнул и спрыгнул на пыльный асфальт.

«Кажется, пронесло, – ликовал Барон. – Сейчас отдаст документы и распрощаемся».

Но не тут-то было.

– Я должен показать ваши бумаги помощнику коменданта, – буркнул старшина, направляясь к противоположной стороне дорожного полотна.

– У нас нет времени! – рявкнул вслед Паша. – Нам нужно эвакуировать секретные грузы!..

Служака из комендатуры руководствовался приказами своего начальства и, не отреагировав на возмущение лейтенанта, прошмыгнул между медленно ползущих легковушек. Возле полуторки остались два рядовых бойца. Оба были напряжены, держали наготове винтовки и не спускали глаз с лейтенанта и его помощников…

* * *

Вместе с главарем Пашей банда насчитывала четыре человека и переживала не самые лучшие времена. Всего месяц назад под Пашей числилось восемь проверенных корешей. За плечами каждого были десятки рисковых делишек и по несколько ходок. Взломщик, домушник, карманник, бывший конокрад, майданник[13 - Майданник (майданщик) – вор, работающий в поездах, на вокзалах.]… Каждой твари по паре. Все шло распрекрасно: сотрудников милиции с начала войны в городах заметно поубавилось, у государевых шишек головушки болели по другому поводу – мобилизация, эвакуация, оборона, снабжение фронта…

К середине октября 1941 года положение на фронтах сложилось скверное. Уже полмесяца шла битва за Москву, Красная армия оставила Калугу, под Брянском и Вязьмой в немецком плену оказались около семисот тысяч советских солдат и офицеров.

Пользуясь неразберихой, многие банды ринулись грабить и убивать. Не отставал и Паша Баринов, решив поживиться ценными деликатесами на одной из подмосковных продуктовых баз. Знал точно: по ночам ее охраняют три пожилых сторожа, вооруженные двумя винтовками и одним револьвером. Дельце не шибко сложное, ежели выгорит, то куш выйдет шикарный.

Не выгорело. Оказывается, незадолго до налета охрану базы усилили служебными собаками, а старенький револьвер заменили на «ППД»[14 - «ППД» – пистолет-пулемет Дегтярева. Наиболее удачным и массовым стал «ППД» образца 1940 года. Менее удачными образцами 1934/38 года в основном вооружались подразделения военизированной охраны.]. Так что проникнуть за забор без шума не получилось, отчего и порушился весь план. А там и

героические старички не сплоховали – отстреливались до последнего. В общем, положили кодлу. Невредимыми унесли ноги только Барон, Лева да Ибрагим. Они прихватили с собой двух раненых: один нынче находился на излечении у бардачки в Люберцах, другой вскорости отдал богу душу. А трое так и остались истекать кровью под фонарями продуктового хранилища.

Барон после той неудачи приуныл, запил горькую. Ибрагим его всячески обхаживал, покуда Левка рыскал по блатным в поисках пополнения. Сыскать удалось только одного молодого паренька, укрывавшегося от призыва в армию и согласного на что угодно, лишь бы не становиться под ружье.

– Равель Петров, – назвался он, когда Лева привел его к главарю.

– Чего?.. Какой еще Равель? Ты из евреев, что ли? – Паша поднял на новичка мутный взгляд.

– Равель – мое имя. Родители так назвали, – смутился парень.

На вид ему было около двадцати. Чуть выше среднего роста, сильно худой, узкоплечий, с прямыми непослушными волосами. На белом лице двумя угольками блестели живые темные глаза. Парнишка показался каким-то неловким, сильно зажатым. «Пришибленный, – отметил про себя Паша. – Да еще Равель, мать его. Вот дура баба – нашла имечко. Видать, совсем дитя не любила…»

– Никаких «равелей». Забудь. С сегодняшнего дня будешь Петрухой, – отрезал он.

Паренек был не против.

– Не хочешь, значит, на фронт, в окопы?

– Не, – мотнул тот головой, рассыпав волосы по широкому лбу.

– Это правильно. Пусть краснопузые сами себя защищают. А чего в глаза не смотришь?

Новичок топтался на одном месте и не знал, что ответить.

– Никого не бойся. Смотри в глаза и улыбайся. Садись.

Петруха уселся за стол, заставленный бутылками и тарелками с простенькой закуской – селедкой, вареной картошкой, огурцами, чесноком и зеленым луком.

– Вино пьешь?

– Бывает.

Барон налил полный стакан портвейна и придвинул новичку:

– Пей, едрена рать. А потом поговорим…

Глава четвертая

Московская область, поселок Троицкое. Смоленск; август 1945 года

– …Мне сразу приглянулось это местечко. Вроде бы и Москва рядышком, и оживленное шоссе на Калугу под боком, а совершенно иной мир: ни шума, ни суеты. Чистый воздух, в саду все лето поют соловьи. Безопасно – на весь поселок один участковый, да и того не видать, – негромко вещал Аристархов, ведя свою гостью по центру Троицкого.

Мария зачарованно осматривала чистые улочки, старинные деревянные усадьбы, красивые каменные дома с балюстрадами и фронтонами. Центр поселка был ухожен и разительно отличался от рабочей окраины.

Она на верила своим глазам. Пару часов назад, когда они ехали по пыльной улице сквозь строй ужасных бараков и встретили толпу полупьяных оборванцев, ей подумалось, будто ее переместили в отвратительный мир маргиналов. Но нет, поселок оказался уютным и милым и скорее походил на маленький городок.

– А знаешь, кто у нас в соседях по дачно-строительному кооперативу? – улыбаясь, спросил Сергей.

– Кто?

Выдержав торжественную паузу, он перечислил:

– Режиссер Иван Пырьев, поэт Константин Симонов, писатель Александр Твардовский. И еще несколько известных на всю страну творческих личностей.

– Последнего не знаю, про Симонова что-то слышала.

– Ну как же! Стихотворение «Жди меня».

– Да-да, конечно, вспомнила. Его жена – Валентина Серова.

– Верно.

– А Пырьев… не он ли снял фильм «В шесть часов вечера после войны»?

– Точно. И проживает он, между прочим, на соседней улице. Из окон маленькой спальни, что на втором этаже, хорошо видна крыша его дачи.

– Ты говорил, будто не имеешь отношения к творчеству. Как же ты получил здесь участок? – удивлялась девушка.

– Участок с дачей достались мне недавно и по великому случаю.

– Расскажи.

– Как-нибудь в другой раз. Для меня история оказалась счастливой, а для бывшего владельца – грустной…

Так и бродили они за беспечными разговорами по поселку, любуясь берегом реки, старинными особняками, небольшим парком по соседству с тихим

центром.

Размеры поселка Троицкий были скромными. В середине небольшая круглая площадь, от которой лучами расходился в разные стороны пяток прямых улиц. Вдоль излучины Десны на полкилометра растянулась заросшая ивами набережная, облюбованная горожанами и дачниками. В центре поселка помимо парка имелись магазинчики, базар, небольшой клуб с библиотекой и актовым залом, где по вечерам крутили кинофильмы. Ближе к реке располагались два летних ресторана с просторными верандами.

Любой приезжий, пройдясь по поселку утром или в дневное время, посчитал бы его пустым и сонным. Но если бы он задержался до вечера, то убедился бы в обратном. С наступлением сумерек в центре вспыхивали яркие желтые фонари, улочки и набережная наполнялись народом, звонкими голосами, музыкой из патефонов.

Побродив по центру, Сергей и Мария вернулись к речному берегу и устроились на веранде ресторации. Оба к этому часу проголодались. Испросив подоспевшего официанта о кухне и меню, заказали жареного карася под сметаной, белого вина, фруктов и с удовольствием принялись ужинать…

Теплый безветренный вечер показался восхитительным. Над головами висело мирное небо, усыпанное яркими звездами; люди вокруг веселились. Наполняя бокалы вином, Аристархов подумал: «Как же быстро мы привыкаем к хорошему! Всего три месяца назад шла тяжелая война, транспорта не хватало, в продуктовые магазины выстраивались длинные очереди, рестораны оставались открытыми только в крупных городах. И вот, поди ж ты, все исправили, навели порядок, открыли кинотеатры, магазины, рестораны. Народ вечерами после работы отдыхает, радуется…»

Да, это было так. Недавно в центре Троицкого валялся мусор, не горели фонари, все увеселительные заведения были закрыты с июня 1941 года, а на улице Текстильщиков чернели воронки от разрыва немецких бомб. Теперь же все стало по-другому.

Потягивая вино, Аристархов любовался девушкой. Она обладала потрясающей внешностью. Милое личико и прическа очень напоминали Сергею известную на весь мир красавицу-актрису Вивьен Ли. Стройная, чуть выше среднего роста.

Локоны шелковистых волос спускались до плеч, обрамляя чистое светлое лицо. Пухлые губки, немного вздернутый прямой носик, карие глаза в вуали бархатных ресниц под изогнутыми крыльями тонких бровей. Когда она улыбалась, на щеках появлялись милые ямки, а глаза источали игривый блеск. Для полного сходства с великой актрисой недоставало лишь темного цвета волос. У Марии от рождения волосы были вьющимися и светлыми с потрясающим золотистым оттенком.

Девушка замечала интерес Сергея и смущенно краснела. Подлив еще вина, он вознамерился сказать комплимент, да запнулся, потому что спутница вдруг насторожилась.

– Кто это поет? – шепотом спросила она, прислушиваясь к приятному мужскому баритону.

Ниже летней веранды, в районе ее бокового входа со стороны набережной расположился гармонист и принялся развлекать публику исполнением популярных песен.

– Понятия не имею, – пожал плечами Аристархов. – Какой-нибудь местный шут решил подзаработать…

Но нет, на шута музыкант не походил. Он определенно обладал незаурядными способностями, а его голос был сильным и приятным. Многие гости ресторана, позабыв о напитках и закуске, заслушались чудесным исполнением:

В час роковой, когда встретил тебя,

Трепетно сердце забилось во мне,

Страстно, безумно тебя полюбя,

Весь я горю как в огне…

– Мой любимый романс! – воскликнула Мария, сжав ладонь Сергея.

Он тоже когда-то его слышал, но не помнил ни автора, ни слов. Подивившись ее детской восторженности и странной любви к музыке, Сергей спросил:

– И как же он называется?

– «В час роковой». Разве ты не знаешь?

– Запамятовал. Но отныне обязуюсь заучить, – отшутился Аристархов.

И вдруг сделался серьезным – к столику подошел молодой худощавый парень с копной прямых непослушных волос.

– Разрешите пригласить вашу даму? – вежливо, но слегка развязным тоном обратился он к Сергею.

«Блатной, что ли? – окинул он паренька оценивающим взглядом. – Наколок не видно, фиксы не блестят, но говорит странно».

Он не возражал. Дело оставалось за дамой.

Но та мягко отказалась:

– Извините, я не танцую, – улыбнулась она незнакомцу. И положила прохладную ладонь на руку Сергея, чем окончательно его пленила.

* * *

В половине одиннадцатого к столу подскочил официант, одетый по ресторанной моде сытых 1930-х годов: широкие черные брюки, белая сорочка под темно-серой жилеткой, черный галстук, холщовый белый фартук и неизменная салфетка через согнутую руку.

Сергей попросил счет и расплатился за ужин; парочка направилась к выходу. Когда спускались по скрипучей деревянной лестнице под желтый уличный фонарь, он аккуратно держал Марию под локоток и сгорал от нетерпения. Ведь этот чудный вечер обязан был закончиться долгожданной близостью. По-другому и быть не могло. Иначе зачем она согласилась на головоломную авантюру и вместо Смоленска приехала в Троицкое?..

Справа от асфальтовой дорожки на травянистом бугорке сидел молодой парень – тот, что весь вечер развлекал народ пением. Он то ли закончил свой концерт,

то ли устроил перекур – в кулаке его тлел окурок. Одет он был в выгоревшую солдатскую форму, однако вместо кирзовых сапог на ногах были ботинки. На груди блестели три медали и золотая нашивка за тяжелое ранение. Видавшая виды черная гармонь, инкрустированная белыми цветами, стояла по левую руку, по правую лежал деревянный костыль. Здесь же чернел раскрытый футляр, куда сердобольная публика бросала монеты и мелкие купюры.

– Какая жалость! – Мария заглянула в свою сумочку. – У меня нет с собою денег…

– Не беда. – Аристархов полез за портмоне.

Выудив купюру, подал девушке. Та схватила ее и опустила в футляр, не забыв поблагодарить:

– Спасибо. Вы прекрасно исполняете старинные романсы.

Музыкант в солдатской гимнастерке кивнул и как-то странно посмотрел на нее. Точнее, повернул голову в ее сторону, будто прислушиваясь.

Отойдя на несколько шагов, Мария шепнула:

– Он еще и слепой! Представляешь?!

Сергей вздохнул:

– Да-а… Повезло с талантом, но не повезло на войне…

* * *

Старшая сестра Марии Ольга, с рождения проживавшая в Смоленске, третьего дня получила от нее подробное письмо. Ольга была замужем, растила пятилетнего сына; устроенная жизнь ее текла привычно и размеренно. Письма от младшей сестры приходили регулярно, но все они были на один лад – из разряда дежурных ежемесячных весточек: две-три последних новости, столько же жалоб на занятого пожилого муженька и столько же вопросов о житье в провинции. И вдруг странное послание совершенного иного толка.

«Милая, любимая Олюшка! – повествовал ровный и убористый почерк Марии. – Умоляю, не осуждай меня и сделай все, как я прошу ниже…» Далее в письме излагалась подробная инструкция, объяснявшая, что и когда должна исполнить Ольга.

Ничего особо сложного для себя Ольга в инструкции не нашла. Следуя первому пункту наставления, на второй день после прибытия в Смоленск обозначенного поезда из Москвы Ольга забежала на почту и отправила на Московский адрес семейства Мирзаян телеграмму.

«Дорогой Анастас, доехала нормально, – написала она на бланке серого тонкого картона. – Сегодня целый день провела в больнице возле сестры. Выглядит она неважно, но врачи обещают выздоровление. Пока остаюсь при ней. Целую. Твоя Мария».

* * *

Дачные поселки, где коротала свободное время советская интеллигенция – академики, генералитет, партийное и государственное руководство, деятели искусства – располагались в лучших местах Подмосковья. Жуковка, Баковка, Снегири, Валентиновка, Жаворонки, Троицкое, Николина Гора, Переделкино… Задолго до войны строительные организации тянули в эти поселки магистральные водопроводы, обеспечивали канализацией и хорошими дорогами.

Первый этаж дачи Аристархова, не считая застекленной веранды, состоял всего из двух комнат: просторного зала и уютной спальни. Была еще небольшая ванная комната с туалетом, раковиной и душем. Кухни на даче не было вообще, но молодой хозяин об этом не сожалел. Много ли ему было надо? На веранде от старых хозяев осталась электрическая плитка, на которой можно было вскипятить чайник, сварить кофе или пожарить мясо с овощами.

Второй этаж состоял из двух гостевых спален, обе имели выход на чудесный балкон, заросший диким виноградом.

В основном Аристархов обитал на первом этаже, ленясь подниматься по ступенькам крутой лестницы. В зале имелись патефон с полусотней пластинок, шкаф с книгами, удобное кресло, столик, диван. В спальне стояли широкая

кровать и платяной шкаф. Коротая время на даче в одиночестве, Сергей любил поваляться на кровати с книгой в руке под теплым светом прикроватной лампы.

На следующий день Аристархов проснулся ранним утром от заглянувшего в открытое окно косого солнечного луча. Он осторожно встал с постели.

Мария крепко спала. Прошедшая ночь получилась бурной, довольные любовники уснули поздно, и теперь даже во сне лицо молодой женщины светилось безмятежным счастьем. Под утро в дачные покои через раскрытое окно пробралась прохлада, и Мария прикрылась легкой простынкой до самого подбородка.

Посмотрев на часы, Сергей вздохнул: «Всего-то шесть сорок. Для отпуска ужасно рано. А для работы – в самый раз».

Он мягко прикоснулся кончиками пальцев к непокрытой простынкой руке. Мария не почувствовала прикосновения и продолжала смотреть счастливые сны.

Сергей осторожно сдвинул край простыни, обнажив женскую грудь. Поглядев на легкую занавеску окна, тихонько встал, оделся. Направляясь к выходу из спальни, он подхватил свою сумку, в которой лежала трофейная немецкая фотокамера Leica…

Он хотел порадовать свою гостью вкусным деревенским завтраком, а для этого требовалось прогуляться до Троицкого рынка и разжиться там свежими продуктами: яйцами, молоком, сметаной, маслом, хлебом, зеленью. В Москве половину из вышеперечисленного продавали только по карточкам, остальное – в коммерческих магазинах или на рынках за сумасшедшие деньги. Однако, чем дальше находился рынок от столицы, тем ниже становились цены.

Он обязательно сходит на рынок и приготовит что-нибудь необычное. Но сначала нужно провернуть куда более важное дело.

Покинув спальню, Аристархов проверил фотокамеру, оделся и вышел сквозь веранду на улицу. Обойдя дом, он приблизился к открытому окну спальни, заглянул в него и… невольно замер от восхищения.

Мария во сне успела повернуться лицом к окну, отчего простынка соскользнула на пол. Теперь ничто не скрывало наготы прекрасного молодого тела. Изящно свисавшая с кровати рука, согнутая в колене ножка, разбросанные по подушке пряди белокурых волос…

О такой удаче Сергей и не мечтал. Тихонько отодвинув мешавшую занавеску, он плавно взвел затвор «Лейки». Глядя сквозь видоискатель, шагнул влево, вправо. Отыскав наилучший ракурс, нажал на спуск.

В утренней тишине щелчок механизма вышел громким. Испугавшись, Сергей отпрянул назад, замер…

Нет, ничто не могло потревожить крепкий сон гостьи – ни трели птиц, ни ласкавшая лицо солнечная рябь, ни случайные звуки. «Неудивительно. После такой неспокойной ночки я и сам проспал бы до полудня», – подумал Аристархов.

Вернувшись на прежнее место, он вновь поднял «Лейку» и принялся фотографировать раскинувшуюся на кровати молодую женщину. В каждом снимке он старался захватить в кадр краешек оконной рамы, подоконник или качавшуюся сбоку от прикосновения ветерка занавеску. Это было необходимым условием для успеха в его непростом деле.

Когда в «Лейке» закончилась пленка, Аристархов вздохнул и с сожалением посмотрел на обнаженную красавицу, будто специально позировавшую для фотосъемки. «Жаль, но художественную составляющую этих снимков никто не оценит», – усмехнулся он и на цыпочках вернулся в дом.

Спрятав фотокамеру в сумку и прихватив деньги, Сергей в отличном расположении духа отправился на рынок за продуктами…

Глава пятая

Москва, Петровка, 38 – Бутырская тюрьма; август 1945 года

От начальства Иван Харитонович вернулся озабоченным и хмурым. Комиссар Урусов был с ним приветлив и вежлив, но поставленная задача легкой жизни не обещала. Он молча прошел через весь кабинет, уселся бочком на стул у своего рабочего стола, пристроил у стенки трость, закурил. Забыв через пару затяжек о тлевшей папиросе, о чем-то задумался, глядя в раскрытое окно…

Копавшиеся в бумагах подчиненные притихли. В такие минуты беспокоить Старцева вопросами не следовало. Это было лишним. Посидит полчасика, покумекает, повздыхает и сам обо всем расскажет.

О чем он думал в такие минуты, догадаться было сложно. То ли о делах первостатейной важности, то ли вспоминал свою нелегкую жизнь на окраине довоенной Москвы, то ли прокручивал в памяти кадры фронтовой хроники…

Хваткий, сообразительный и практичный Иван вырос на юго-западе Москвы, в небольшом рабочем поселке. Позже семья переехала ближе к центру, благодаря чему юркий и непоседливый малец окончил среднюю школу с отличным набором оценок. Это позволило без треволнений выдержать трудные испытания в Подольское военное артиллерийское училище. Окончив училище, Иван сразу попал в самое пекло – на рубежи московской обороны. После тяжелого осколочного ранения загремел в пехоту, но там не задержался – за смекалку и отвагу командование отправило его в разведку. Там судьба и свела его с Васильковым.

Летом 1943 года разведгруппа возвращалась с задания, темной ночью ползли через минное поле. По равнине шарили лучи прожекторов, постреливали немецкие пулеметы. Пулей зацепило бойца, и он задел растяжку немецкой мины. Рядом бахнул взрыв, Старцеву повредило ногу.

Разведчики сумели добраться до своих, Ивана сразу передали санитарам. Началась долгая эпопея лечения…

Военные хирурги собрали изуродованную ступню, и после трех месяцев госпитальных мытарств Иван предстал перед строгой комиссией.

Забраковали. Инвалидность. Не годен для прохождения военной службы. Но Старцев и тут не сдался. Вернувшись в Москву, с недельку отдыхал,

наслаждался тишиной мирной жизни, размышлял… Потом приоделся, начистил награды и при всем параде отправился на прием к начальнику Московского уголовного розыска.

В получасовой беседе он приглянулся Рудину[15 - Рудин, Касриель Менделевич – комиссар милиции 3-го ранга, начальник МУРа с 1939 по 1943 год.] своей открытостью, бескомпромиссностью, напором, смекалкой бывшего разведчика. Так и попал на Петровку, 38, где довольно быстро набрался опыта, дорос до руководителя оперативно-разыскной группы и получил майорские погоны.

* * *

– Подсаживайтесь, братцы-товарищи, ближе, – очнулся от раздумий Старцев. – Будем непростую думу думать…

Народ задвигал стульями, облепил со всех сторон рабочий стол начальника. Тот вытряхнул из пачки папироску, дунул в бумажный мундштук, чиркнул спичкой… И принялся разъяснять полученную у комиссара задачу.

С этой минуты скучная возня с протоколами и документацией приостановилась. Все без исключения оперативники были этому безмерно рады, ибо живая работа всегда интереснее бумажной.

В конце короткого совещания офицеры распределили обязанности и принялись за дело. Капитан Василий Егоров, будучи самым опытным сыскарем группы, взялся изучать обстоятельства смерти Павла Баринова. Капитан Олесь Бойко и старший лейтенант Ефим Баранец отправились в архив Главного управления рабоче-крестьянской милиции. Старший лейтенант Игнат Горшеня с лейтенантом Костей Кимом копались в архивах МУРа. Сам же Старцев, прихватив с собой друга Сашку Василькова, пошел по соседним кабинетам с намерением поспрошать о покойном Баринове у ветеранов московского сыска. Благо таких в Управлении набиралось десятка два.

Остаток дня прошел в заботах и суете. Поздно вечером сотрудники снова собрались в кабинете, но поделиться результатами работы не вышло. Их попросту не было.

Егоров из скудных материалов недавнего убийства почти ничего не почерпнул. В милицейских архивах Бойко с Баранцом нашли несколько довоенных протоколов, где упоминался Паша Баринов по прозвищу Барон. Преступления были настолько давними, что не представляли практической ценности. Похожая история вырисовывалась и с местным архивом. Горшеня с Кимом взяли под роспись три толстых папки с уголовными делами, датированными 1931, 1933 и 1940 годами. Барон фигурировал во всех трех, правда, пойман был лишь однажды – в далеком 1933-м. Тогда за свои похождения он получил девять лет лагерей, но по амнистии вышел раньше – в 1939-м. А в 1940-м уже отметился новым делом.

Знали о воре-законнике и опытные коллеги Старцева из других опергрупп. Только и это не помогло, ибо Барон слыл хитрым и острожным главарем, попадался в руки правосудия крайне редко, и в итоге информации о нем набиралось с пайку тощей архивной крысы. Да и та имела характер расплывчатый, неопределенный.

Седовласый Кузьма Новиков, к примеру, утверждал, что перед самой войной Барон потерял в перестрелке глаз. Другой ветеран – Иван Иванович Гонтарь – припоминал, что в первый же год войны Паша Баринов исчез из Москвы и промышлял по мелочам в соседних областях.

Следаки думали, кумекали и беспрерывно курили, наполняя дымом и без того прокуренный кабинет. Настроение у всех было скверным. Понимая, что таким образом дело не сдвинется с места ни на полшага, Старцев молчал. В такие тревожные моменты, сгорбившись и опираясь жилистыми ладонями о рукоятку трости, он походил на немощного философа, размышлявшего над бренностью мироздания…

Ближе к полуночи Вася Егоров догрыз свой сухарь (другим ужином на сегодня запастись не вышло), допил из кружки несладкий чай и, спрыгнув с широкого подоконника, сказал:

– Вот что, товарищи. Прознал я намедни, что поселился в Бутырской тюрьме мой давний знакомец по фамилии Изотенко.

– Изотенко? – встрепенулся Иван. – Это… который Шура-крестьянин?

– Он самый. Есть у него давний должок передо мной. Выправь мне пропуск у комиссара – завтра утром навещу знакомого и узнаю насчет Баринова.

– Считаешь, получится?

– Если он что-то знает, со мной поделится…

Блатной люд уважал Василия Егорова за справедливость, за нормальное человеческое отношение к задержанным. Он и вправду никогда не пылил, не орал на допросах, не угрожал, не строил подлостей. Заслужил – получи. Ну, а ежели выяснялась невиновность, то мог извиниться и даже пожать руку. Платили ему уркаганы той же монетой, выручая нехитрой информацией, когда это не шло вразрез с воровскими законами.

Старцев тотчас преобразился, просветлел лицом. Да и как не загореться, если других выходов не намечалось?

– Решено, Вася! Завтра первым делом добуду тебе пропуск! Слово даю, – его тросточка мерно застучала по паркету. – Кстати, давно хотел спросить по этому типу… Почему он Шура-крестьянин? Неужто из крестьян?

Егоров засмеялся:

– Какой из него крестьянин! Небось, ни плуга, ни бороны ни разу не видал. С Крестьянской заставы он, вот и прицепилось…

* * *

Вначале из коридора донеслись знакомые звуки. Надрывно кашлял мужчина средних лет. Затем противно заскрипела тяжелая дверь, и в проеме появилась рослая, слегка сутулая фигура Александра Изотенко.

– О-о, кого я вижу! Аллюр[16 - Аллюр – приветствие в воровской среде.], гражданин начальник! Какими судьбами? – заполнил он густым басом небольшое помещение допросной.

Конвоир легонько подтолкнул его в спину, вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Сухо щелкнул ригель замка.

– Приветствую, Шура. Присаживайся, – кивнул на стул Егоров.

В другой раз Изотенко непременно отпустил бы ехидное словцо на предмет неурочного вызова в допросную. Дескать, на кой черт побеспокоили? Все, что знал, выложил, а больше ничего не дождетесь. Он был типичным уголовником: по «политическим» статьям не привлекался, во «врагах народа» не числился, стало быть, и высшей меры, равно как максимального срока, не опасался. Но в допросной его ожидал капитан Егоров, с которым он провел немало часов в задушевных, как говорится, беседах. За долгое время их знакомства Егоров не устроил ему ни одной гадости, за что Шура его сильно уважал. Это раз. И на столе лежали дорогие и весьма желанные для здешних постояльцев гостинцы. Это два.

– Закуривай, – капитан пододвинул поближе к вору свою пачку папирос и спички.

– Благодарствую. Не откажусь.

Покашливая, Изотенко необычным образом смял бумажную гильзу, чиркнул спичкой, затянулся. И блаженно выдохнул табачный дым…

За те пару лет, что они не виделись, Шура-крестьянин прилично сдал и для своего возраста выглядел неважнецки. Кожа приобрела землистый оттенок, лицо покрылось сетью тонких морщин, волос на голове и зубов во рту почти не осталось. Да еще этот изнуряющий, отхаркивающий мокроту кашель.

– Ты, погляжу, все дохаешь?[17 - Дохать – сильно кашлять.] – поинтересовался Егоров.

– Чахотка[18 - Чахотка (от слова чахнуть) – устаревшее название туберкулеза легких.] донимает, начальник. Ты же помнишь, как я кровью харкал.

– Так я ж докторов к тебе в камеру направлял. Или не помогли?

– За докторов благодарствую. Малость полегчало, но дочиста избавиться от этой напасти не судьба. Как говорят в наших кругах: житуха прожита, деньги пропиты. Тут, в неволе, видать, и сгину…

Тема была не из приятных. Да и заявился сюда Егоров не затем, чтоб грустить о потерянном воровском здоровье. Он тоже вытряхнул из пачки папиросу, задымил.

– По делу, начальник? – нарушил затянувшуюся паузу Изотенко.

Василий усмехнулся:

– Сам-то как думаешь? Мы с тобой хоть и в добрых отношениях, но не родственники, не кореша?

– Это с какой стороны поглядеть, – хитро прищурился пожилой вор. – Ты ведь, начальник, чужаку гостинцев не принесешь.

– И то верно. – Егоров по-хозяйски подвинул к блатному кулек с чаем и непочатую пачку папирос. – С собой в камеру заберешь, – сказал он. Развернув второй сверток, предложил: – А этим лучше здесь побалуйся.

На обрывке газеты лежал кусок белого хлеба, накрытый щедрым ломтем «любительской» колбасы. При виде редкого деликатеса Шура-крестьянин жадно сглотнул слюну.

Егоров не ослаблял хватки:

– Покуда перекусываешь, проясни мне про одного человечка.

Блатной сразу переменился в лице и качнул головой:

– Извиняй, начальник… При всем уважении… Если попросишь сдать вора, то я – пас.

– Ну, во-первых, интересующий меня тип уже несколько дней как на допросе у архангелов. Во-вторых, сдавать мне его не надо. Интересует биография и твои

мысли по его безвременной кончине.

– Кто ж такой?

– Паша Баринов.

– Барон? – вскинул брови Изотенко.

– Он самый. Слыхал небось, что его подрезали?

Подкашливая, вор прохрипел:

– Дошла весточка с воли. Ладно, слухай. Про что знаю – расскажу…

* * *

На свет Баринов появился за десять лет до Революции в маленьком Коврове Владимирской губернии. Насмотревшись в детстве на беспросветную нищету провинциального городишки, к двенадцати годам он совершенно точно знал, что уедет из проклятой дыры и отправится искать счастье в большой и шумный город. В Коврове его не интересовали ни механические мастерские Московско-Нижегородской железной дороги, ни салотопенный завод, ни паровая мукомольня.

Отца он никогда не видел, мать целыми днями пропадала в единственной больнице, где трудилась на двух ставках – уборщицы и сиделки.

Паша очень рано связался с компанией таких же сорванцов и столь же рано сообразил, что деньги можно добывать, не надрывая спину. Да, воровство с грабежами были опаснее двенадцатичасовой смены на бумаготкацкой фабрике. Зато верное дельце обстряпывалось в полчаса, после чего пару дней жрали от пуза, курили нэпманские папиросы и били баклуши.

В четырнадцать лет он окончательно покинул опостылевшую комнатушку в бараке. Поскитавшись по чердакам и подвалам, подговорил двух сверстников и рванул с ними на товарном поезде до Москвы. Там и остался.

Столица уготовила ему множество сюрпризов. К примеру, на второй день он украл в кондитерской тульский пряник и, к своему удивлению, обнаружил, что он… мягкий. Для него это стало величайшим потрясением. Живя в захолустном Коврове, Пашка часто воровал в магазинах пряники или баранки. Но там эти изделия были словно вытесанными из камня, ведь их не готовили на месте, а привозили издалека. Потому пацан на полном серьезе считал, что пряники обязаны быть сухими и твердыми.

Следующее открытие было из числа неприятных. Оказалось, что в Москве не жалуют беспризорников, а рабоче-крестьянская милиция с юными воришками не церемонится и даже устраивает на них регулярные облавы. Пришлось на ходу подстраиваться под новые правила жизни.

Криминальную карьеру Паша начал с «голубятника»[19 - Голубятник – чердачный вор.], одновременно подрабатывал «кооператором»[20 - Кооператор – вор, специализировавшийся на продуктовых магазинах, ларьках и палатках.]. Потом трудился «ширмачом»[21 - Ширмач – городской карманник, прикрывавший процесс воровства так называемой «ширмой» – сумкой, плащом, книгой и т. п.] и даже дорос до «купца»[22 - Купец – оседлый карманник высшей квалификации.]. В начале 1930-х он впервые засветился в уголовном деле, но повезло – ускользнул и был осужден заочно. В 1932-м попал в серьезную банду, пристрастился к вооруженным налетам и грабежам. Ну и пошло-поехало.

Свою первую банду Барон сколотил в 1933-м, будучи уже матерым вором. Правда, долго в главарях походить не получилось – в ноябре того же года попался в руки правосудия и отъехал на весьма долгий срок. И снова подвезло: благодаря амнистии вышел гораздо раньше. В 1940-м отметился новой «уголовкой». Пронесло. Не попался. А войну встретил в ранге уважаемого вора и бывалого главаря.

Роста он был среднего, при ходьбе немного сутулился и всегда воровато озирался по сторонам. Лицо имел грубоватое, серые глаза с прищуром были глубоко посажены, отчего нос казался большим. Шутил редко, еще реже смеялся, говорить предпочитал по делу.

* * *

Бутерброд Шура поглощал с аппетитом и неторопливо, дабы хорошенько насладиться позабытым вкусом колбасы. Откусив небольшой кусочек, он долго перемалывал его остатками гнилых зубов и рассказывал своим густым, низким голосом о Бароне.

«Знал бы ты, Шура, какую очередь пришлось отстоять в коммерческом за этой колбаской, – наблюдал за ним Егоров. – Всего по триста грамм давали на руки. Вот Баранец с Кимом и отхватили двойную порцию. Тебе, жук навозный, из этих шестисот аж двести отрядили. Оставшиеся четыреста мы разделили на семерых. Ладно уж, черт с тобой, лопай. Только на вопросы мои отвечать не забывай…»

– …Фартовый он был, Барон-то. Удача за ним по пятам ходила. Я вот шестой раз срок мотаю, а Пашу только однажды угораздило. В 1933-м или годом позже – врать не стану. И опять все в ажуре – слез с нар до звонка[23 - Звонок – конец срока.]. А в 1940-м и вовсе гай[24 - Гай – освобождение из-под стражи за отсутствием улик.] случился.

– А не припомнишь, чем он занимался во время войны? Из Москвы же он не отлучался? – аккуратно направлял беседу Василий.

– Я, начальник, доподлинно о каждом его вдохе не ведаю. Вроде, подранили его в 1943-м здорово, сколько-то даже с постели не вставал, лечился. Опосля, как выздоровел, уехал на юга – то ли в Тамбов, то ли в Воронеж. Опосля вернулся и начал компанию сколачивать.

– Неужто за все четыре года никого не завалил и ни одного лихого дельца не обстряпал?

– Почему же? Всяко в его биографии бывало. Слыхивал я от одного авторитетного дяди, будто в начале войны, еще до ранения и отлучки из Москвы замутил он налет на подмосковную продуктовую базу, да шибко пообломал там зубы – потерял несколько корешей. Что и как делал дальше – неведомо, а только осенью в его банде было всего четверо: Лева Креминский, Ибрагим, молодой Петруха и Барон собственной персоной. В октябре эти четверо сварганили мокрое дело, опосля чего, значит, Паша надолго залег на дно.

– Что же он такого натворил, что надолго залег?

– Поговаривают, будто замочил людей из гадючника[25 - Гадючник – милиция, органы Госбезопасности.] и поимел хороший смак[26 - Смак – очень ценная украденная вещь.]. Грузовик, кажись, увел с железным сейфом.

Егоров насторожился:

– Как же у них провернулся такой фарт? Помог кто или счастливый расклад вышел?

– Этого дядя мне не сказывал. Как не сказывал и про то, что в том сейфе была за ценность, и про то, что с тем сейфом сталось. – Шура проглотил последний кусок бутерброда, откашлялся и потянулся к пачке папирос: – Дозволите?

– Кури…

* * *

Егоров незаметно глянул на часы. Указанный в пропуске срок свидания подходил к концу.

Перекусив вкусным бутербродом, выкурив пяток чужих папирос и вдоволь наговорившись, Шура-крестьянин пребывал в блаженном настроении. Морщинистое лицо землистого цвета излучало довольство, и если бы не строгие временны?е рамки, он согласился бы пробазарить с начальником до отбоя. А почему бы и нет? Таким разнообразием да еще с довеском в виде гостинца жизнь нечасто баловала обитателей Бутырской тюрьмы.

Но свиданка – не срок, кончается быстро. Егоров задал все запланированные вопросы, несколько раз возвращался к теме угнанного в 1941-м грузовика, однако больше никакой информации по нему и по Баринову не получил. Видать, Изотенко и взаправду не знал подробностей.

– Ну, а что думаешь по его безвременной кончине? – спросил на прощание сыщик.

– Про то, что пустили Пашу в доску[27 - Пустить в доску – ударить ножом.] – слыхивал. А вот за что – не серчай, начальник, – не ведаю, – признался Шура. –

Может, за какие старые грехи, а может, и залетные[28 - Залетный – вор, приехавший для совершения преступления из другой местности.] слиходейничали.

Гастролеров и залетных в Москве после окончания войны появилось с избытком – тут пожилой вор душой не покривил. Огромная плотность населения, неразбериха, нескончаемый пассажиропоток на десятке вокзалов, невероятное количество магазинов, рынков, наличных денег… Все это манило, притягивало криминал, как зеленых мух в общий дворовый нужник. И невероятно усложняло работу Московского уголовного розыска.

Глава шестая

Москва, железнодорожный переезд на Басманной – Безбожный переулок; 16 октября 1941 года

Время шло, солнце все ниже нависало над западным горизонтом, а поток беженцев из Москвы не ослабевал. Мимо стоявшей на обочине полуторки на восток проползали тяжелые грузовики, легковушки, груженные скарбом конные повозки. Тонким, непрерывным ручейком шли люди, с маленькими детьми, с чемоданами, сумками и узлами.

Старшина Богданович долго не возвращался, ожидание на железнодорожном переезде затягивалось. Барон и его кореша нервничали, но поделать ничего не могли – рядом с полуторкой, держа наготове винтовки, караулили два неулыбчивых служивых. А по другую сторону проезжей части, выборочно проверяя документы у водителей и пассажиров автомобилей, дежурило целое отделение комендантской роты. С этими лучше было не связываться. Они четвертый месяц обозленными стаями рыскали по столице и, руководствуясь жестким принципом «по закону военного времени», останавливали, проверяли, задерживали, применяли оружие. Они не кричали: «Стой, стрелять буду!» Они сразу шпиговали пулями и не морщились.

Зная об этом, Баринов нервно ерзал тощей задницей по истертому дерматину сиденья и лихорадочно искал выход. Сидевший рядом Лева казался спокойным и безучастным. Взгляд его будто говорил: «Мне до лампочки, что тут у вас происходит. Я не с вами, я сам по себе…» Но главарь знал: Левкино спокойствие наносное, ненастоящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности СССР.

2

НКПС – Народный комиссариат путей сообщения.

3

Лейтенант со шпалой в малиновых петлицах – до 1943 года знаки различия сотрудников Госбезопасности и рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР были на две ступени выше, чем у соответствующих званий в РККА. Лейтенант НКГБ

вместо двух «кубарей» носил одну «шпалу».

4

ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР. В 1934 году вошло в состав НКВД СССР.

5

ГУПО – Главное управление пожарной охраны.

6

РОМ – районный отдел милиции.

7

Урусов, Александр Михайлович (1905–1975) – комиссар милиции 3-го ранга, начальник МУРа с января 1944 по 1949 год.

8

Бардачка – содержательница притона.

9

Бажбан – дурак, глупец.

10

Кипеш – шум, ссора, возня.

11

Бухтеть – разговаривать, проявлять недовольство.

12

Винтовой – солдат.

13

Майданник (майданщик) – вор, работающий в поездах, на вокзалах.

14

«ППД» – пистолет-пулемет Дегтярева. Наиболее удачным и массовым стал «ППД» образца 1940 года. Менее удачными образцами 1934/38 года в основном вооружались подразделения военизированной охраны.

15

Рудин, Касриель Менделевич – комиссар милиции 3-го ранга, начальник МУРа с 1939 по 1943 год.

16

Аллюр – приветствие в воровской среде.

17

Дохать – сильно кашлять.

18

Чахотка (от слова чахнуть) – устаревшее название туберкулеза легких.

19

Голубятник – чердачный вор.

20

Кооператор – вор, специализировавшийся на продуктовых магазинах, ларьках и палатках.

21

Ширмач – городской карманник, прикрывавший процесс воровства так называемой «ширмой» – сумкой, плащом, книгой и т. п.

22

Купец – оседлый карманник высшей квалификации.

23

Звонок – конец срока.

24

Гай – освобождение из-под стражи за отсутствием улик.

25

Гадючник – милиция, органы Госбезопасности.

26

Смак – очень ценная украденная вещь.

27

Пустить в доску – ударить ножом.

28

Залетный – вор, приехавший для совершения преступления из другой местности.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharapov_valeriy/dom-s-neizvestnymi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить